

**Артем Моисеев
Владимир Иванов**

Точка сбыта — Сахалин

Владимир Иванов

Точка сбыта — Сахалин

«Автор»

2026

Иванов В.

Точка сбыта — Сахалин / В. Иванов — «Автор», 2026

Новый наркотик расползается по миру тихо и незаметно. Начинался он как обычное обезболивающее — синтетика, дешёвая и доступная, — но оказался идеальным кайфом. Смертность ниже средней, привыкание мгновенное, а производство можно спрятать где угодно. За два года сеть опутала полмира: Китай, Ирак, Германия, десятки перевалочных точек. И везде одно и то же — исполнители не знают ничего. Ни имён, ни лиц, ни каналов связи. Только приказы, деньги на счетах и слово «они», которое произносят на разных языках. Майор Национальной службы безопасности Вадим Бардин идёт по этому следу уже два года. Он видел пустые склады, терял людей, гонялся за призраками. Но теперь у него есть зацепка. Одно слово, сказанное одними губами. Одна точка на карте, где может находиться то, чего не должно существовать. Организация, которая не оставляет следов. Система, у которой нет лица. Противник, который знает о тебе больше, чем ты сам.

© Иванов В., 2026

© Автор, 2026

Артем Моисеев, Владимир Иванов

Точка сбыта — Сахалин

Глава 1

Вот странно: на улице страшная жара, солнце просто нещадно палит несмотря на то, что осень в самом разгаре. А здесь, на этом складе, холодно, как в гробу, разве что пар изо рта не идет. Каждое слово или действие, которое в нём звучало, гулким эхом отзывалось под самым потолком, как будто и правда мы все накрыты большой крышкой.

Я скорчился за металлическим контейнером, оправляясь от звука выстрела, только что прогремевшим где-то рядом, оглушая и сбивая с толку. Выстрелы звучали постоянно, но этот почему-то стал особенно громким, видимо какой-то крупный калибр.

Группа захвата рассредоточилась по всей территории склада, отстреливаясь и стараясь не попасть под ответный огонь. Бандитов оказалось примерно десять человек, хорошо вооруженных и готовых оказывать сопротивление — больше, чем мы ожидали. Постоянно огрызаясь выстрелами, они старались пробиться к чёрному выходу, на который выделили всего два спецназовца, — парни отстреливались из последних сил.

Сжимая в руке пистолет, я аккуратно выглянул из-за угла и чуть не поплатился за это головой: пуля пролетела прямо надо мной, взвизгнула рядом, чуть не оставив в голове большую дополнительную дыру. Щиток шлема загорелся красным, встроенный ИИ-помощник бил запоздалую тревогу, требуя от меня вернуться в укрытие. Лучше бы вовремя предложил не высовываться. Задним умом то мы все крепки.

— Бардин, ты как там? — голос майора Сидоренко звучал как всегда спокойно и звучно. Как он инструкции озвучивал перед операцией, заслушаться можно. Даже немцы, прикрепленные к отряду — и те вдохновились. А ведь слушали через переводчик.

— Всё в порядке, — отозвался я, смахивая со щитка сигнал тревоги. Рядом просвистела еще одна пуля, следом раздалась автоматная очередь. — Вы можете вытащить меня из-под этого дождя? Я как-то слишком неудачно занял стратегическое положение.

— Да, со стратегией у тебя туго, — отозвался майор и в его голосе не сквозило ни тени улыбки. Ну точно глыба... — Бросим светозумовые через пять секунд, будь готов: закрой глаза, зажми уши. Иначе тебя придётся вытаскивать на руках, как маленького.

— Ну, тебе не привыкать — ехидно заметил я, хотя храбриться оказалось непросто: ситуация вышла из-под контроля, мы не ожидали, что бандиты будут хорошо вооружены и, что самое главное, готовы к нашему появлению. И я, браво заскакивая на склад самым первым, уж точно не ждал пуль в бронежилет и шлем в первые же десять секунд захвата. Даже пистолет поднять не успел. Вот и сижу теперь, кукую...

— Будь осторожен, — кратко ответил мне майор и отключился.

Я закрыл глаза, ещё сильнее скорчился, упёрся головой в колено и дал команду шлему: «Шум». ИИ послушно активировал накладку, и выстрелы почти стихли. Но через пять секунд раздался такой грохот, что это меня не спасло. Сквозь как будто бы плотную подушку я слышал, как кричат бандиты и раздаются глухие хлопки. Видимо, спецназу всё-таки получилось сбить их с толку — как будто бы палят во все стороны. В чём-то это хорошо: парни быстро разберутся. А мне бы надо вылезти сюда, пока длится паника, главное, чтобы шальной пулей не задела.

Подождав, пока немного прояснится в голове, я осторожно выглянул из-за того же угла. Спецназ уже продвигался впереди, стреляли уже не беспорядочно, а наоборот, скупое — тех,

кто сопротивлялся, уничтожали на месте, на это нам выдали весьма широкие полномочия. Главное, чтобы хоть кто-нибудь сдался.

Я осторожно выпрямился, сжимая пистолет, но на щитке шлема слабо светились только метки спецназа. Видимо, все уже почти кончено. Сидоренко подошёл ко мне сбоку, положил руку на плечо. Ощущение такие, будто вместо ладони у него пудовая гиря. Крупный майор все-таки мужик, врукопашную с ним никто не рисковал связываться.

— Ну ты как? — проговорил он. Взгляд тем временем обшаривал помещение, наблюдая за работой подчиненных. Выстрелы уже совсем стихли.

— Нормально, — отозвался я, убирая уже бесполезный пистолет в кобуру на пояс. — Ты уже второй раз за последние десять минут спрашиваешь, как моё состояние. Раньше ты этого не делал и за несколько лет.

— Потому что не положено, — сказал майор. — Я всё-таки был твоим командиром, знаешь ли. А командирам не положено проявлять нежные чувства к своим подчинённым.

— Конечно, дисциплина — это наше все, — ответил я, потирая шею. Слова майора всё ещё доходили до меня с некоторой задержкой, но уже стало легче. — Скажи своим парням, что нам кто-нибудь нужен для допроса.

— Мои всё знают, — кивнул Сидоренко. — Кто оказывает слишком ожесточённое сопротивление — получает пулю. У нас есть на это право. Кто сложит оружие или будет просто ранен, того и допросим.

Раздался очень громкий выстрел, и вдруг наступила тишина, как будто поставили точку. Видимо, операция закончена. Можно собирать тех, кто остался в живых, и пытаться вытрясти из них информацию.

Я заранее знал, что это бесполезно: у них слишком глубокая конспирация. Но, может быть, какие-то обрывки сведений натолкнут нас на следующую ниточку, на какой-то новый склад, где опять мы будем сильно рисковать и пытаться обезвредить целую банду хорошо вооружённых людей.

Они никак себя не называли, они не пользовались никакими каналами связи, их нельзя было вычислить через мессенджер, они даже почтовыми голубями, чёрт возьми, не пользовались. Но как-то они связывались и организовывались между собой. Раскиданная сеть наркоторговцев, которая охватила почти полмира: где-то наркотик производили, где-то его перевозили в другие страны, где-то просто были склады-обманки, на которые тратились время и силы, а внутри оказывалось ровным счётом ничего, кроме одного несчастного смертника, который очень старался унести с собой пару оперативников.

И вот здесь наконец удача — мы как будто бы даже рисковали не просто так. Один из них в моей родной России сдал, куда едут ингредиенты для производства корентирола: наркотика, из-за которого образовался весь сыр-бор.

Оказалось, что обычное, хоть и достаточно сильное обезболивающее может вызывать такой кайф, с которым не сравнятся ощущения ни от какого другого наркотика. Смертность от него оказалась даже чуть ниже средней среди тех, кто употребляет, поэтому можно было прожить достаточно долго и успеть укайфоваться по полной. Сеть очень быстро разрослась на весь мир, появилось очень много желающих его производить, которых внезапно методично устранили. Осталась одна группа, которая распространила наркотик на весь мир, но мы не знали ни кто у них глава, ни как они получают приказы. Ровным счётом ничего, никакой конечной нити, которая могла бы показать нам хотя бы на одного организатора, хотя бы среднего звена.

Сейчас у нас получилось проследовать от одного звена к другому, чего не удавалось ранее. Обычно ингредиенты куда-то уезжали и с концами — не могли найти их ни по данным тамошни, ни по данным чёрного рынка, ни допрашивая контрабандистов. Возможно, сейчас мы сможем напасть на них. Мы смогли застать противника врасплох, и здесь он допустит какую-то оплошность.

— Майор! — крикнул один из спецназовцев. — Вот этот вполне себе готов пообщаться прямо сейчас.

Когда мы подошли, нашим глазам открылась весьма неприятная картина. Мужчина сидел, прислонившись к стене, сжимая рукой простреленное бедро. Спецназ наложил ему жгут, видимо, вкололи обезболивающее, потому что, несмотря на крупные капли пота, выступившие у раненого на лице, он сидел достаточно спокойно,

Ничем не примечательное, самое обычное европейское лицо. У него голубые глаза, достаточно светлые волосы. Типичный немец. Обычный, из тех, кого постоянно можно увидеть на улице. Непонятно, по какому признаку отбирались люди в этот картель, потому что мы встречали самые разные национальности, с самыми разными профессиями. Что-то заставляло их никогда не выдавать никого из тех, на кого они работали, и не рассказывать никакие детали работы. Впрочем, иногда нам казалось, что они больше ничего действительно не знают, потому что они получали указания каким-то неведомым нам способом, строго их выполняли, получали деньги на свои расчётные счета. И дальше не было никаких следов.

— Я капитан Бардин Вадим Алексеевич, — сказал я в микрофон, встроенный в шлем ИИ через динамик выдал эти слова на немецком. — Вы задержаны по подозрению в производстве и сбыте наркотических веществ в особо крупных размерах. Вам грозит пожизненное заключение с самым строгим режимом. Вы можете посотрудничать со следствием, и мы поработаем над тем, чтобы вам смягчили приговор. Что вы можете нам рассказать?

Мужчина нахохлился, отвернулся, зубы были крепко сжаты. Он точно понял всё, что я ему сказал, — значит, он действительно немец, но абсолютно ничего не собирался мне говорить.

— Послушайте, — сказал я, присев рядом на корточки. — Вы ничем не рискуете. Вас будут охранять, и вы будете находиться в отдельной камере по программе защиты свидетелей. Мы сможем спрятать вас, никакие угрозы не страшны. Нам нужно совсем немного: куда вы хотели отправить товар? Мы видим, что у вас есть все ингредиенты, и он уже готов. Какая следующая точка сбыта?

Арестованный молчал, сжимая раненое бедро. Обезболивающее, видимо не полностью подавляло боль, потому что он тяжело дышал и сильно сжимал зубы. В обычных условиях бы подождал госпитализации, а уже потом попытался бы его расколоть. Но условия далеко не самые обычные, да и полномочий у нас побольше. Попробуем пренебречь инструкциями и вызовем скорую чуть попозже.

— Идентификация, — тихо сказал я по-русски. В шлеме раздался щелчок: миниатюрная камера в его правой части сфотографировала преступника, а ИИ отправил запрос во все доступные ему базы данных правоохранительных органов. Через три секунды щелчок раздался снова, в левом углу щитка появилась надпись «совпадений нет». Ну кто бы сомневался...

— Глубокая идентификация, — сказал я. Пора доставать козыри. — Доступ уровня два.

Мои текущие полномочия позволяли мне работать по всему миру и запрашивать информацию практически во всех базах данных правительств стран, в которых я находился, если того требовала ситуация. Здесь мне выдали чрезвычайные меры: уровень два позволял мне узнавать о людях практически всё, что знало о них государство. Единственное, чего я не слышал, — что они там говорят на кухне; для этого, наверное, требовался уровень один, точно не знаю.

Тут ИИ потребовалось поработать несколько подольше. Он явно перелопачивал архивы нескольких государств, когда наконец мне вышла итоговая информация. Клаус Кновель, тридцать восемь лет, по национальности немец. Женат. Имеет дочь. По всей видимости, с женой живут раздельно, исходя из структуры имущества и коммунальных платежей. Дочери восемь лет, учится в младшей школе. Город Керембург.

— Перевод на немецкий, — сказал я, и в наушнике раздался щелчок: ИИ приготовился переводить и транслировать.

— Герр Кновель, — обратился я к мужчине, — пожалуйста, подумайте о вашей дочери. Она слишком мала сейчас. Если вы сядете на пожизненное, то не увидите её больше никогда. Но если вы будете сотрудничать со следствием, возможно, мы сможем обеспечить вам постоянные свидания с дочерью и освобождение несколько раньше. Вы уже ничего не теряете, но вы можете облегчить свою участь. Пожалуйста. Нам нужно только то, куда вы собирались отправить данный товар. И более нам ничего не требуется.

Это возымело эффект. Я заметил в информации о нём, что Клаус работал на низкооплачиваемой должности на машиностроительном заводе. Пазл складывался: низкие доходы, раздельное проживание с супругой — по всей видимости, он пошёл на преступление для того, чтобы разжиться деньгами, и больше дать своему ребёнку. Я решил попробовать надавить на это. Жестоко, но выбора не было. Конечно, был, риск того, что я ошибаюсь, но, как правило, людские мотивы были достаточно просты.

Кновель повернулся ко мне и одними губами прошептал слово. Видя мой непонимающий взгляд за стеклом шлема, он проговорил его снова, но одними губами и не издавая ни звука. Я прочитал: «Сахалин». Я кивнул мужчине, и он снова отвернулся. Я получил достаточно для того, чтобы продолжить расследование. Что ж, будем искать следы на Сахалине. Не самое плохое место, особая экономическая зона под контролем России и США. Символ нашего экономического сотрудничества. Огромный промышленный кластер, где очень нетрудно будет затеряться даже производственному цеху. Та еще задачка.

Видимо, мужчина был чем-то ужасно напуган, если он даже вслух не решился произнести это слово. Возможно, где-то здесь стоит прослушка, и его семье будет угрожать опасность, но я знал, что он будет молчать как рыба и больше ничего никому не скажет.

Сняв шлем, я поманил майора за собой. Поняв ситуацию, он последовал моему примеру. Ни к чему рядом лишние уши. Мы отошли в дальний угол, где спецназовцы уже перевязали одного своего раненого и вызывали медиков, чтобы эвакуировать тела и увезти тех, кто был арестован.

— Что ты узнал? — закуривая сигарету, спросил Сидоренко.

— Ты всё ещё дымишь эту дрянь, — сказал я, поморщившись. — Ты же знаешь, у тебя тяжёлые условия работы, а она явно их не улучшает.

— Все снимают стресс по-своему, — отозвался он, глубоко затянувшись и выпуская облако дыма. Надо отметить, что пах он очень даже приятно, я невольно принюхался. Травы какие-то видимо, не чистый табак. — Я вот предпочитаю делать это вот так. Так что ты узнал?

— К сожалению, не могу тебе сказать, что он мне ответил, но у меня есть небольшая зацепка. Будем пробовать ее развернуть, придется опять ехать через полмира.

— Слушай, да этот парень вообще тебе ничего не говорил, — удивлённо скинул глаза майор. — Как ты из него что-то вытянул?

— Надавил на больное. Наугад, но попал. Пусть твои парни обыщут всё это место, вызывайте криминалистов. Я думаю, наши дотошные немцы-коллеги тебе помогут поднять тут каждую пылинку. Толку от этого не будет, но порядок есть порядок.

— Сделаем, — Сидоренко затаился, и бросил окурочок. Придавив его ногой ногой, он пристально посмотрел на меня. — Ты будешь отчитываться перед начальством?

— Да, мне придется рассказать всё, что у нас тут произошло, и, может быть, даже написать официальный отчёт, — ответил я. — Ненавижу бумажки, но куда деваться. Может, там наверху посмеются, читая, как я сюда влетел аки бесстрашный ковбой.

— Ну хорошо, тогда мы тебя отпустим веселить начальство, — сказал Сидоренко и провел пальцем по следу от пули на самой макушке моего шлема. — А ты вот шлем не хотел надевать. Как с вами нежничать, бестолочками? Если б я не наорал, ты бы мог и без головы остаться.

— Убедил, — улыбнулся я. Орал он действительно так, что стекла бронированные стекла звенели, и не начинал операцию, пока все не будут в экипировке. Причем под «всеми» подра-

зумевался именно я. — Теперь буду обязательно его носить, если буду ездить на задержание с целой толпой спецназовцев. Договорились.

— Дурень, — проговорил он, прям как когда-то, когда еще юный лейтенант Бардин поступил в распоряжение в его группу. Я перевелся в отдел особых расследований через год, когда досдал экзамены, и это оказалось верным выбором — вон, я уже возглавляю операции, пусть и являюсь младшим по званию. По этот год майор Сидоренко методично и со вкусом выбивал из меня молодецкую дурь и вбивал собственный многолетний опыт штурмов, преследований, перестрелок, задержаний... Эта школа уже много раз мне пригождалась.

Майор на прощание сжал моё плечо и со вздохом еще раз окинул взглядом помещение склада. Я знал, что они ничего не найдут: только ингредиенты для изготовления наркотика, какую-то минимальную документацию, пару ноутбуков, но на этом всё. Они подбирали людей таким образом, чтобы те ничего не выдавали. Что они им говорили, как они действовали — мне непонятно. И только Кновель оказался достаточно храбрым, чтобы сказать всего одно слово. Может быть, он пускает меня по ложному следу, но что делать? Приходится использовать те нити, которые есть.

— Ложись! — вдруг взревел майор и, развернувшись, одним движением руки свалил меня наземь. Грохнул выстрел, и Сидоренко согнулся, держась за живот. Автомат со стуком выпал из его ослабевших рук. Я уже лежа на полу увидел, как мелькнул где-то сверху человеческий силуэт, и в следующую минуту стрелявший спрыгнул с одного из контейнеров и бегом устремился к выходу.

Спецназ еще не успел опомниться, а я уже стоял на одном колене с пистолетом в руках. Думать некогда, все на рефлексках. Выдох. Пистолет поднят. Выстрел. Грохот опять разлетелся по всему складу. Бегущий вскинул руки, словно молился и рухнул лицом вниз. Вот тебе, сволочь. В засаде сидел, поганец.

Майор застонал, стоя на коленях и согнув голову до самой земли. Крови я не видел, бронежилет скорее всего выдержал. Но судя по звуку, стреляли не из пистолета, а из чего-то калибром покрупнее. Хорошо будет, если удастся отделать синяками. Я почувствовал дрожь в руках, когда коснулся его плеча.

— Артем, держись, — только и получилось выдать из себя. — Все будет хорошо. Майор ранен! — крикнул я подбегавшим бойцам. — Врача сюда!...

...На видео встрече по закрытому каналу связи присутствовал не только мой непосредственный начальник — полковник Ковалёв, — но и его немецкий коллега, тоже полковник, Вернер. Логично, ему тоже нужен отчет об операции, там и его люди учувствовали. ИИ услужливо переводил нашу речь, хотя немецкий коллега был весьма немногословен и больше слушал то, что я рассказывал. Я не стал упоминать, какое именно место рассказал мне Кновель, но сказал, что у меня есть зацепка, по которой будем двигаться дальше. Ковалёв только кивнул. Он понимал, что лишний раз лучше никакие ниточки не рассказывать, потому что враг тайным образом узнавал, куда мы отправимся и что мы будем делать, и даже когда будет устроена облава. Уже несколько раз я мотался по всему свету, был в Китае, Судане и даже долетел до Сингапура, когда оказалось, что нас просто водят кругами, и склады там только пустышки. Поэтому в этот раз я решил действовать осторожно и не выдавать заранее ту информацию, которая у меня есть.

— Когда ты вылетаешь? — спросил Ковалев. Он, как и всегда, сидел с абсолютно непроницаемым лицом, но я знал, что его точно проняла новость о зацепке. Уже два года мы гонимся за этим призраком — и ничего. Коллеги из других стран тоже только разводили руками. Накрывали склады, находили дилеров, даже арестовали несколько подставных банковских счетов, а в Венгрии изъяли целый сейф с наличными и золотыми слитками. Но наркотик так и выходил на рынок. Может быть, в этот раз удастся поймать что-то по-настоящему стоящее.

— В ближайшие два дня, — ответил я. Точный срок называть было нельзя, один раз мы на это уже попались, склад был полностью вычищен ровно в день моего прилета. И это при том, что дату знали только мы с полковником, да барышня, что оформляла мне билеты. Её, бедную, допрашивали двое суток. — Только найду необходимый мне рейс.

— Соблюдай все меры предосторожности и информируй меня по мере того, как будет набираться информация. Возможно, это всё-таки определённая зацепка, которая нас куда-то приведёт. Официально сообщать о твоём приезде не будем и постарайся не светить удостоверением, — Ковалев снял очки и характерно указательным пальцем протер переносицу. — Как там майор Сидоренко?

— Бронежилет его спас, — ответил я. — Может быть ушиб внутренних органов, но жить будет. Врачи сообщили, что его подержат в больнице около недели. Он уже рвет и мечет, и хочет домой, — я усмехнулся. — Пытается убедить врачей, что в России на нем все заживает, как на собаке. Пока ему не верят.

— Я ему позвоню, — сухо сказал Ковалев. Мне иногда казалось, что чувство юмора у него отсутствует вовсе, что вполне понятно с такой работой. — Пусть лежит себе спокойно, ранение вещь серьезная. Как вообще это получилось? В отчете ты описал ситуацию очень коротко.

— А рассказывать особо нечего. Парень прятался, пока шла перестрелка и, видимо, решил сбежать, как только все затихло. Может, майор его заметил, вот он и выстрелил. Стрелял из револьвера, довольно метко, надо сказать, если учитывать расстояние. Ну а я оказался немного проворнее и успел выстрелить, когда он побежал. Вот и вся история.

— Ясно, — задумчиво произнес Коваленко. — Ты не думаешь, что целью мог быть ты? А майор просто стоял между вами.

— Думаю, — ответил я. Эта мысль мне тоже пришла, но пока не доставало времени обмозговать ее как следует. — Я веду это дело уже два года, организаторы наверняка меня знают. Но если бы они хотели устранить меня конкретно, я думаю, это было бы сделано по-другому.

— Логично, — кивнул полковник. — Ладно, пока этого достаточно, иди отдыхай. Полковник Вернер, у вас есть вопросы к капитану Бардину?

— Спасибо вам за службу, — отозвался полковник Вернер. ИИ переводил его бесстрастным механическим голосом, но его чуть хрипловатый низкий голос звучал приятно даже вкупе с немецкой речью. — С вашими русскими коллегами очень комфортно сотрудничать, операция прошла сравнительно чисто. Я думаю, для вас не будет неожиданностью узнать, что на складе не нашли ничего, кроме собственно составляющих колинтирола. Герр Кновель также ожидаемо молчит. Словом... Если вы действительно нашли какую-то зацепу, это сильно поможет всему международному расследованию. Вместе с тем должен вам сказать, что не питаю особых надежд, к сожалению, эта организация слишком хорошо конспирируется. Моет, стоит порадоваться, что они занимаются только наркотиками. Страшно подумать, что они могли бы сделать, если им потребовалось бы, например, повлиять на политику в отдельной стране.

— Согласен, — кивнул я. — По уровню конспирации они вполне дотягивают до какого-нибудь секретного подразделения наших коллег из ЦРУ. И за два года ни одного прокола, особенно учитывая, что мы их ищем уже на мировом уровне.

— Отдыхайте, коллега, — сказал Вернер. — Благодарю вас за работу. Как бы то ни было, сколько-то этой дряни не попадет на наши улицы и это уже меня радует. Полковник, я попрошу вас задержаться для обсуждения нескольких организационных вопросов.

— Конечно, — отозвался Ковалев. — Вадим, спасибо за доклад.

Это был тонкий намек, что все, что будет обсуждаться дальше, не для моих ушей, и я очень обрадовался, услышав его. Коротко попрощавшись, я выключил видео-встречу и компьютер. Кровать манила, но я заставил себя встать, снять одежду, принять душ, а вернувшись в комнату, поставить на телефоне будильник на 8:30. Придётся завтра сразу поутру ехать в

аэропорт и искать там транзитные рейсы через третьи страны. Надо запутать следы, особенно если полковник прав и меня хотят устранить. В этот раз получилось очень криво, но кто знает, может следующий исполнитель будет более умелым. Черт, только этого не хватало. И все же, если меня решили поохотиться, значит, я подобрался к чему-то важному. Правда, обидно, что непонятно, к чему конкретно.

Завтра будет длинный перелет, будет время поскладывать пазлы. Известно пока немного, надо понять, что именно зацепило этот картель, почему именно этот склад оказался таким важным. Но может быть парень действительно просто пытался сбежать, а майор его заметил... Так и параноиком недолго стать.

Я отвернулся к стене и закрыл глаза. Завтра, все завтра. Надеюсь, Сахалин даст мне подсказку...